

ПЕРЕВОДЫ «ГОРЯ ОТ УМА» НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК: В ПОИСКАХ ЭКВИВАЛЕНТА РУССКОГО МЕНТАЛЬНОГО КОНЦЕПТА

Раскрывается национальное своеобразие грибоедовского ментального концепта, устанавливается, что передача концепта *ум* значительно осложняется тем, что семантический объем русского концепта намного превышает семантический объем всех возможных эквивалентов в английском языке. Демонстрируются попытки преодоления современными профессиональными переводчиками (британским и российским) традиционно заявлявшейся «практической непереводаемости» грибоедовского шедевра.

Ключевые слова: А. С. Грибоедов, *Горе от ума*, концепт, *ум*, перевод.

Ум в обыденном восприятии носителей русского языка – сложное структурное образование. В древнерусской традиции, по учению Нила Сорского, *ум* относился к духовной части человека: «*Ум* – это образ божий в человеке, он и руководит всеми аффектами и страстями (“царь страстей”» [1, с. 89]. Лексема *ум* зафиксирована в старославянском и древнерусском языках с XI в. Она означала некоторый симбиоз души и сердца, *ум* понимался как часть духа. Аналогичная трактовка представлена в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля: «*ум* – общее название познавательной исключительной способности человека, способность мыслить; это одна половина духа его» [2, т. 12, с. 129].

Со временем объем значения понятия *ум* несколько изменился, *ум* стал пониматься больше как способность мыслить, как воображаемый орган, где протекают интеллектуальные процессы, связанные с процедурами анализа и синтеза. В русской культурной традиции концепт *ум* отличается от других концептов внутреннего мира человека (душа, сердце, разум) своим ценностным статусом. А. В. Голованова отмечает, что «самым сложным по своему ценностному статусу оказывается в ценностной языковой картине мира концепт “ум”». Это связано с тем, что *ум* является определяющим свойством человека, отличающим его от животных и в то же время отличающим людей друг от друга» [3, с. 38]. Такую точку зрения разделяет и А. Д. Шмелев, отмечающий, что «для русской языковой картины мира инструментом понимания является именно *ум*, а не, скажем, сердце, как для древнееврейской и армянской картины мира» [4, с. 24]. Когнитивную функцию *ума* подчеркивает также И. Б. Шатуновский: «...русская картина мира характеризуется трихотомией: душа-тело-ум, где различаются желания тела (физиологические), желания души (например, желание счастья любимому человеку) и интеллектуальные (желание *знать*, *понять*, *найти разгадку* и пр.)» [5, с. 295].

В целом для русского менталитета характерно представление о внутренней жизни человека в

виде оппозиций: дух–плоть, душа–тело, сердце–ум/разум/голова [4, с. 135]. В последней оппозиции *ум* призван контролировать сердце, однако сердце может брать верх над умом, тогда человек действует как бы в состоянии аффекта. Разные стороны внутренней жизни человека могут выступать несогласованно, – тогда обычно говорят, что *ум с сердцем не в ладу*. Согласно объяснительному словарю синонимов, *ум* акцентирует значение на процессе получения знания, на процессе думанья, а *разум* – на результате получения этого знания, на понимании [6, с. 519]. Таким образом, *ум* – это прекращающийся процесс, это постоянно поступающее новое знание, а *разум* – уже достигнутое хорошо известное знание, понимание, результат этого процесса. В этой связи А. Зализняк указывает на то, что *разум* отличен от *ума* лишь приставкой *раз*, которая несет упорядочивающее значение «внести порядок и благодаря этому ясность в понимание какой-либо проблемы» [4, с. 433]. С. П. Шевырёв также замечал: «Слова *ум* и *разум* (если производить их от *емлю* и *разнимаю*) будут соответствовать синтетическому и аналитическому действию нашей мыслительной способности» [7, с. 142]. «Словарь Академии Российской» (1806–1822) также разделяет эти понятия, определяя *ум* как «способность понимать вещи и судить об них», отсюда, *умный* – это «благоразумный, имеющий здравый рассудок или основанный на здоровом рассудке, рассудительный», а *разум* – «способность души, посредством которой человек понимает, судит и умствует или выводит по смотрению и соображении следствия» [8, ч. 6, с. 973–974, 967; ч. 5, с. 915, 924]. Отметим также, что *ум* в значительно большей степени может служить характеристикой отдельного человека, в то время как разум характеризует весь человеческий вид, и лишь лексема *ум* допускает количественные характеристики (больше *ума*, меньше *ума*, *ума* прибавилось, *ума* не хватает, *ума* палата и пр.).

Представление об *уме* в русской культуре широко отражено в текстах, фиксирующих многовековой опыт народа, – в пословицах, поговорках,

устойчивых выражениях; в словаре В. И. Даля приводится более шестисот пословиц и поговорок, актуализирующих понятия *ум* и *глупость*. Это представление своеобразно и многопланово. Так, *ум* может выступать как сложный инструмент, осуществляющий познавательную деятельность; этот инструмент может быть расстроен или поврежден: *в уме расстроен, в уме поврежден* и т. п. *Ум* может представлять как физический объект, как предмет, обладающий физическими параметрами и характеристиками: *высокий ум, короткий ум, драгоценный ум, ума мало, ума палата* и т. д. *Ум* может ассоциироваться с поверхностью или пространством: *прийти на ум*; часто с путем или дорогой: *на ум навести, сойти с ума, спянуть с ума, с ума своротить* и пр. *Ум* может мыслиться как вещество – *ядовитый ум, брожение умов, горячий ум* или как растение – *ум сохнет, ум крепнет, цвет ума, зрелый ум*. Сознанием русского человека *ум* часто воспринимается как живое антропоморфное существо – *бойкий ум, женский ум, ум с сердцем не в ладу, живой ум, здоровый ум, больной ум, молоденький умок, западный ум, русские умы, союз умов* и пр. *Уму* могут быть присущи функции помощника или наставника – *жить с умом, делать с умом, поступать с умом* и т. д. Н. М. Сергеева указывает 23 группы признаков, присущих русскому концепту *ум*: вегетативные, зоологические, анималистические, гендерные, социальные и др. [9, с. 5].

Е. Е. Хазимуллина на основе типизации пяти тысяч контекстов периода 1825–2004 гг. Национального корпуса русского языка, актуализирующих обыденное, религиозное, философское, художественно-поэтическое и научное мировоззрения, выделяет три важнейших аспекта осмысления русского ума. *Ум*, во-первых, понимается как нечто, существующее само по себе, независимо от человека (*ум* как Бог, Вселенский Разум, «царь»), человек (сверхчеловек), некая синергетическая сущность); во-вторых, как сущность, принадлежащая человеку (данная ему от природы или Богом), но которую человек не всегда способен контролировать; в-третьих, *ум* концептуализируется как свойство, способность, инструмент мышления, понимания, познания человека, человек – хозяин своего ума [10, с. 481].

Концепт *ум* в комедии Грибоедова заявлен уже в названии как центр коллизии произведения. Тема *ума* и его антиномии *безумия* пронизывает диалоги и монологи всех персонажей комедии. Доминантный характер концепта *ум* подтверждает и частотность его непосредственных лексических репрезентантов, достигающая 81 (ср.: имя главного героя комедии – Чацкого звучит в комедии всего 18 раз). Таким образом, как минимум 81 раз переводчик сталкивается с необходимостью перевода сло-

ва или фразы, содержащих лексему *ум*, и, следовательно, с проблемой перевода концепта *ум*.

М. М. Бахтин отмечал в «Очерках по исторической поэтике», что культурная традиция сопряжена не только с сознательной преемственностью, но и с генетической культурной памятью, реализующейся в процессе творческого акта [11, с. 407]. Концепт *ум* в русском языке представляет собой сплав огромного пласта культурных значений и индивидуальной интерпретации. Разница в семантическом объеме русского ментального понятия и его английских эквивалентов, своеобразная авторская трактовка делают перевод концепта на английский язык непреодолимо трудной задачей.

Одна из первых трудностей, с которой сталкиваются переводчики, – это различие значений лексемы *ум* в русском и английском языках. Данные ассоциативных словарей наглядно демонстрируют различия в представлении этих понятий носителями языка. *Ум* прежде всего ассоциируется с усиленной мыслительной деятельностью и выдающимися ее результатами, головой, мозгом, разумом, аналитическими способностями и знанием [12]; *wit* – с забавой, шуткой, смехом, насмешкой; *intellect* – с разумом, умственными способностями, в разной степени выраженными; *mind* – как с мозгом, веществом, телом, так и с мышлением; *brain* – с процессом думанья и физическим вместилищем мозгов – черепом, вмешательством в деятельность мозга; *clever* вызывает реакции: *умный, разумный, понятливый, смысленый, выдающийся, мозг, мозговитый* [13]. Таким образом, передача концепта *ум* средствами английского языка значительно осложняется тем, что семантический объем понятия *ум* намного превышает семантический объем всех возможных эквивалентов в английском языке. В этой связи характерно заключение лингвиста М. К. Голованивской: «Русское понятие *ума* – особенное, слово это выделяется из синонимического ряда, в котором находится (*разум, рассудок, интеллект*), сразу тремя признаками – максимальным объемом понятия, самым частотным употреблением и своим происхождением: *ум* – единственное слово из всего ряда, произошедшее из греческого и прошедшее через церковнославянский язык, в отличие от других синонимов латинского происхождения. Возможно, именно поэтому понятие *ума* – специфически славянское, перевод его на романские языки (аналогично и на германские. – Е. А.) затруднен и требует от переводчика всякий раз особых усилий и основательных потерь принципиально важных оттенков смысла» [14, с. 135].

Задачу переводчика также усложняет необходимость учитывать реализацию концепта *ум* в контексте комедии в целом, т. е. единицей перевода в данном случае должно являться все произведение.

Переводы «Горя от ума», рассматриваемые нами далее, являются стихотворными и озаглавлены “Woe from Wit”. Первый был издан русским лингвистом, профессиональным переводчиком, преподавателем иностранных языков и теории перевода А. С. Вагаповым в 1993 г. Перевод был создан для свободного ознакомления англоязычных читателей с классическим произведением русской литературы и размещен на сайте журнала “Speaking In Tongues, Scribbling In Voices”. Сам Вагапов в интервью журналу “Internet Observer” (август 2001 г.) говорит, что к работе над переводом его побудил личный интерес к творчеству писателя и желание дать возможность англоязычному читателю ознакомиться с качественным переводом комедии [15]. Кроме того, в интервью от 15 мая 2010 г., размещенном Вагаповым на сайте Spoken and Sung: words in performance [16], он сообщает, что данный перевод изначально предназначался им для сцены, хотя и не является адаптацией. Вагапов планирует второе исправленное издание, ведет переговоры о возможности использования своего перевода для постановки комедии на сцене Национального лондонского театра.

Для сравнения с переводом Вагапова был выбран перевод британского автора – вторая редакция перевода Мэри Хобсон, вышедшая в 2005 г. Мэри Хобсон – автор трех романов о современной жизни англичан, переводов сочинений Грибоедова и Пушкина. Выполненный Хобсон перевод «Горя от ума» был признан Ассоциацией переводчиков лучшим переводом грибоедовской комедии на английский язык, за что в 1996 г. Мэри Хобсон была награждена Золотой Пушкинской медалью [17]. Примечательно, что после выхода первой редакции перевода комедии в 1995 г. интерес к «Горю от ума» был столь велик, что в Лондонском театре возобновили постановку комедии. Мэри Хобсон продолжила работу над «Горем от ума», и в 2005 г. была издана ее монография «“Горе от ума” Александра Грибоедова: комментарий и перевод». В 2007 г. монография была переиздана в Великобритании и США.

Уже современники Грибоедова осознавали огромную сложность перевода комедии. Так, Белинский, критикуя перевод произведений Гоголя на французский язык, говорил о существовании целиком национальных произведений, перевод которых крайне сложен: «“Горе от ума” Грибоедова могло бы быть переведено без особой утраты в своем достоинстве; но где найти переводчика, которому был бы под силу такой труд?..» [18, с. 57–58]. Очевидно, что передача концепта *ум* в переводе представляет колоссальную сложность.

Для удобства анализа лексические репрезентанты концепта *ум* в «Горе от ума» условно разделим

на три группы. К первой отнесем лексические единицы, носящие исключительно положительные коннотации: «высокий ум» [19, с. 112], «ум бойкий» [19, с. 63], «умный» [19, с. 106], «поумнеть» [19, с. 61], «образумиться» [19, с. 120], «умник» [19, с. 122] – о человеке «умном, образованном науками, ученом, с проницательным умом и даром слова» [2, т. 12, с. 131]; «разумник» [19, с. 46] – «человек умный, сведущий, ученый, рассудительный и правый, мудрый» [2, т. 10, с. 259]; «вразумить» [19, с. 89] и пр. Ко второй группе можно отнести слова и выражения с отрицательной окраской: «с ума сходить» [19, с. 15 и далее – 12 словоупотреблений], «с ума прыгнуть» [19, с. 92], «свести с ума» [19, с. 64], «не в своем уме» [19, с. 85], «полоумный» [19, с. 83], «безумный» [19, с. 92 и далее – 8 словоупотреблений], «сумасшедший» [19, с. 88], «в уме расстроен» [19, с. 93], «в уме поврежден» [19, с. 108], «умы коротки» [19, с. 96] и т. п. К третьей группе отнесем выражения с нейтральной окраской: «иметь на уме» [19, с. 107], «прийти на ум» [19, с. 22, 25], «то уму» [19, с. 46, 73] и т. д., а также слова «(не)уметь/суметь» [19, с. 18 и далее – 10 словоупотреблений], которые могут получать у Грибоедова в зависимости от контекста то положительную, то отрицательную коннотации. Такое деление совершенно условно, так как в каждом конкретном случае на словарное значение слова или фразы накладывается индивидуальное авторское отношение, поэтому для точности перевода важно учитывать не только контекст фразы и произведения, но и шире – контекст всего творчества Грибоедова, контекст эпохи. Рассмотрим ряд примеров, демонстрирующих типичные трудности и пути их преодоления.

Выше мы отмечали, что *ум* в сознании русского человека наделен рядом свойств и характеристик, типичных для живых и неживых объектов. Так, *ум* может быть *коротким*, т. е. недостаточно развитым, неполноценным. Носитель такого *ума* вовсе не является *умным* человеком. Например, Чацкий говорит о русских, слепо поклоняющихся европейской моде в одежде, прическах и даже образе мышления:

Грибоедов	Хобсон	Вагапов
Как платье,	Short dress,	A tail, a funny
волосы, так и	short hair –	cut – oh, what a
<i>умы</i> коротки!..	<i>intelligence</i> is	scene!
[19, с. 96]	short too [20,	It’s tight and
	p. 117].	doesn’t match the
		face [21].

В английском языке такое сравнение звучит неорганично (для определения понятия “intelligence” допустимы лишь прилагательные “low” и “high”), потому Вагапов решает его опустить. Таким образом, утрачивается сатирическое наполнение фразы, авторская модальность.

Кроме того, ум может выступать как характеристика человека, принимающего самостоятельные решения, но в переводе это не находит отражения:

Грибоедов	Хобсон	Вагапов
Пускай в Молчалине ум бойкий, гений смелый... [19, с. 63]	Let's say Molchalin is a <i>genius</i> , a bold dreamer... [20, p. 70]	Molchalin may be <i>bright</i> and bold, it's true...

Даже в тех случаях, когда возможно передать реплику точно и полно, переводческие решения часто оказываются не в пользу передачи концепта:

Грибоедов	Хобсон	Вагапов
Чтоб умный, бодрый наш народ... [19, с. 96]	Own <i>lively</i> people... [20, p. 117]	So that our <i>wise</i> and cheerful Russians...

Мысль Грибоедова, что русские должны жить «своим умом», а не ориентироваться на Запад, никак не связана с понятием «мудрость», поэтому номинация “wise”, как и “lively”, т. е. «живой, деятельный, веселый» – неадекватна.

Рассмотрим группу лексем (не)с)уметь. Лексема *уметь*, зафиксированная во многих славянских языках, восходит к праславянской форме *uměti, связанной с лексемой *ум*, и потому также является непосредственным репрезентантом концепта *ум*. Исконная семантическая связь лексем *ум* и *уметь* в русском языке не может быть передана средствами английского. Кроме того, в переводах нет единого образа в передаче понятия *уметь*, часто оно просто опускается переводчиками. Ср.:

Грибоедов	Хобсон	Вагапов
Мать умерла: умел я принимать	Your mother died. Madame Rose was hired –	Your mother died. I take on this madame,
В мадам Розье вторую мать [19, с. 18].	A second mother was required [20, p. 13].	Madam Rosiet, your second mere.
Боюсь, что выдержать притворства не сумею [19, с. 57].	I'll not maintain this false pretence – I won't know how to [20, p. 65].	I can not feign pretence, I think.
Какою ворожкой умел к ней в сердце влезть! [19, с. 67]	What sorcery taught him to crawl into her heart? [20, p. 77]	How did he manage to win Sofia's affection?

На примере мотива *безумия* рассмотрим, как воссоздается в переводе мотивная система оригинала. Поскольку в европейских языках отсутствует лексическая возможность связать антонимичные понятия *ум* и *безумие/сумасшествие*, как в русском языке. Следовательно, передача мотива *безумия* представляет значительную трудность. Чаще всего мотив *безумия* соотносится с образом Чацкого,

реже сопряжено с тем, что нарушает представления говорящего о должном, ожидаемом, привычном и ему полезном. Так Гельвеций, автор трактата «Об уме», замечал: «Каждый отдельный человек называет умом привычку к идеям, которые ему полезны» [22, с. 51]. Ср. передачу мотива *безумия* в переводах:

Грибоедов	Хобсон	Вагапов
Помилуй, как кричишь. С ума ты сходишь? [19, с. 15]	Are you <i>mad</i> ? Lord, how you shout [20, p. 8].	Why shout like that? Are you <i>going mad</i> ?
От сумасшествия могу я остеречься... [19, с. 64]	I can take measures to preserve myself from <i>madness</i> [20, p. 70].	I shall take care not to lose my <i>mind</i> ...
Вот нехотя с ума свела! [19, с. 64]	I must have driven him <i>insane</i> ! [20, p. 71]	To drive him <i>mad</i> I really did not intend.
Ведь полоумный твой отец... [19, с. 83]	How <i>silly</i> Your father is, dear [20, p. 98].	Your father is so <i>silly</i> .
Он не в своем уме [19, с. 85].	He's quite out of his mind [20, p. 102].	He is <i>insane</i> .
Ужли с ума сошел? [19, с. 85]	He's <i>mad</i> , then? <...> [20, p. 102]	Oh! Has he lost his <i>mind</i> ?
С ума сошел! [19, с. 86]	He's <i>mad</i> ! [20, p. 103]	He's gone <i>mad</i> !
С ума сошел! [19, с. 86]	He's gone mad! [20, p. 104]	He's <i>mad</i> !...
С ума сошел! [19, с. 87]	He's gone <i>insane</i> ! [20, p. 104]	Gone <i>mad</i> !
С ума сошел! [19, с. 91]	He's off his head! [20, p. 105]	He's off his <i>head</i> !
Его в безумные упрятал дядя-плут; Схватили, в желтый дом, и на цепь посадили [19, с. 87].	Classic case of <i>madness</i> . They dragged him off, a <i>raving lunatic</i> , I fear. They seized him, locked him in the <i>madhouse</i> on a chain, sir [20, p. 104–105].	His roguish uncle said he was <i>insane</i> ; He got him caught and send him to a <i>mental home</i> in chain.
Да, он сошел с ума! [19, с. 88].	Yes, he has gone <i>insane</i> [20, p. 106].	Yes, he's <i>mad</i> .
Он сумасшедший... [19, с. 88].	He is a <i>madman</i> [20, p. 106].	He is <i>mad</i> .
В горах изранен в лоб, Сошел с ума от раны [19, с. 89].	A bullet in the head has turned his mind [20, p. 107].	He had his forehead wounded, and he lost his <i>head</i> .

Безумный по всему [19, с. 92]. В его лета с ума прыгнул! [19, с. 92]. По матери пошел, по Анне Алексевне; Покойница с ума сходила восемь раз [19, с. 92]. Безумных развелось людей, и дел, и мнений [19, с. 92]. И впрямь с ума сойдешь от этих, от одних От пансионеров, школ, лицеев... [19, с. 92] Уж кто в уме расстроен... [19, с. 93] Ну как с безумных глаз Затеет драться он... [19, с. 95]. ...В уме сурьезно поврежден? [19, с. 108]. Безумный Чацкий или нет? [19, с. 109] Не впрямь ли я сошел с ума? [19, с. 113]. Сама его безумным называла! [19, с. 119] Безумным вы меня прославили всем хором [19, с. 122]. Не видишь ты, что он с ума сошел? [19, с. 122]	That proves it. He is <i>mad</i> [20, p. 111]. <i>Mad</i> at his age. A pretty pass! [20, p. 112] He takes after his mother, clearly. Poor woman – rest her soul – eight times she <i>went insane</i> [20, p. 112]. These <i>madmen</i> with their senseless views, throughout the nation [20, p. 113]. They are enough to <i>drive one mad</i> – They're run by fools... [20, p. 113] He <i>has gone insane</i> ... [20, p. 113] In his <i>madness</i> he Intends to fight [20, p. 114]. Of course you couldn't fail to find Him <i>much afflicted in his mind</i> ? [20, p. 131] Is Chatskii <i>mad</i> or is he not? [20, p. 132] Perhaps I've really <i>lost my wits</i> [20, p. 137]. It's she who called him <i>mad</i> [20, p. 145]. You told them I <i>was mad</i> ... [20, p. 148] He <i>is insane</i> . Do you not see? [20, p. 149]	All things considered he is <i>mad</i> . A man his age should turn <i>insane</i> ! He takes after his mother. No surprise! She's known <i>to have lost mind</i> a half a dozen times. Many people <i>go insane</i> . There are so many <i>mental cases</i> , views, ideas, really! They all can easily <i>drive you mad</i> . That caused his <i>lunacy</i> . He'll make a fuss! He'll want to have it out with us. And did you notice that He's <i>sort of mad</i> ? Is Chatsky <i>mad</i> ? I'm <i>out of my mind</i> , it seems. Wasn't it you who called him <i>mad</i> ? You all have made me known as a <i>fool</i> . Well, he's <i>off his head</i> , you see?
--	--	--

Безумный! что он тут за чепуху молот! [19, с. 122]

Mad as a hatter [20, p. 149].

What did this *madman* talk about here?

Как видим, в большинстве случаев переводчики пытаются воссоздать мотив *безумия*, однако прибегают к большому количеству лексем, лексически между собой не связанных. Четырежды повторяющееся восклицание разных действующих лиц о безумии Чацкого в 15 явлении III действия уместнее всего было бы передать одинаково: одна и та же фраза произносится с одной и той же восклицательной интонацией, что очень выигрышно для произнесения со сцены. Но переводчики используют различные варианты перевода, усложняя себе задачу и разрушая авторскую задумку.

В основе мотива *безумия* в комедии Грибоедова девять репрезентантов на основе лексемы *ум*: *с ума сойти*, *с ума свести*, *с ума прыгнуть*, *безумный*, *сумасшедший*, *полоумный*, *не в своем уме*, *в уме расстроен*, *в уме поврежден*, которые повторяются на протяжении комедии двадцать семь раз и подкрепляются полисемией понятия «желтый дом».

В переводе Хобсон мотив *безумия* реализуют восемь различных лексем. Наиболее частотные из них *mad* (группу составляют дериваты: *to be mad*, *to go mad*, *madman*, *madness*, *madhouse*), *insane* (*to be insane*, *to turn insane*, *to go insane*). Значительно реже используются *silly*, *fool*, *mind* (*to be afflicted in mind*, *to turn mind*), *head* (*to be off head*), *lunatic*. Показательно, что вынесенное в заглавие понятие *wit* практически не участвует в передаче мотива *безумия*, единственный случай употребления – *to lose wits*.

В переводе Вагапова также наиболее частотны репрезентанты лексемы *mad* (*to be mad*, *to go mad*, *to drive mad*, *madman*). Значительно реже употребляются *insane* (*to be insane*, *to turn insane*), *mind* (*to lose mind*, *to be out of mind*), *head* (*to be off head*, *to lose head*). Единично представлены *silly*, *mental* (*mental home*, *mental cases*), *lunacy* и *fool*.

Приведенные примеры отражают общую тенденцию отсутствия адекватной передачи концепта *ум* в переводе. Выявленная нами [23] семантическая связь мотивов *безумия*, болезни, смерти, смеха, говорения и молчания, темноты, ирреальности, жара и холода, их подчиненность концепту *ум* в переводе не получает отражения. Мэри Хобсон стремится полнее и точнее передать текст оригинала, однако не передает значение лексических репрезентантов концепта *ум* или передает его с помощью лексем, не имеющих даже отдаленного отношения к заявленной ею в заглавии лексеме *wit*. Перевод Алика Вагапова менее точен, часто неверен, лексические репрезентанты концепта *ум* он преи-

мущественно не переводит и не стремится компенсировать их значение. Для сравнения: в комедии Грибоедова мы выделили более восьмидесяти лексических репрезентантов концепта, восходящих к лексеме *ум*. В переводе Хобсон – 61, в переводе Вагапова – 52. При этом лексические единицы перевода не связаны этимологически и лишь частично передают значение русских слов-репрезентантов концепта *ум*.

Сопоставительный анализ оригинальной комедии и двух ее переводов позволяет заключить, что разница в семантическом объеме русского ментального понятия и его английских эквивалентов, своеобразная авторская трактовка делают перевод концепта *ум* на английский язык непреодолимо трудной задачей. Очевидно, что переводу должен

предшествовать скрупулезный предпереводческий концептуальный анализ и выбор переводного эквивалента должен быть обусловлен концептуально, зависеть от признаков концепта, образной составляющей, ценностно-оценочного отношения, которые актуализируются в каждом конкретном контексте, а также от семантико-синтаксической структуры высказывания. Осуществленное нами сопоставление лексем со значением *ум* в русском и английском языках также доказало, что в английском языке нет лексических средств, способных точно и полно передать специфику русского концепта *ум*. Следовательно, адекватно передать концепт лексическими средствами невозможно, и единственным путем частичной компенсации остается подробное комментирование.

Список литературы

1. Чумакова Т. В. Образ человека в культуре Древней Руси. СПб., 2001. 242 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 12 т. М., 2003.
3. Голованова А. В. Ум как ценность русской языковой картины мира // Проблемы филологии. Пермь, 2003. С. 38.
4. Зализняк А. А. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005. 540 с.
5. Шатуновский И. Б. Семантика предложения и неререферентные слова. М., 1996. 399 с.
6. Апресян Ю. Д. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., 1995. 1488 с.
7. Шевырѳев С. П. Теория поэзии в историческом развитии у древних и новых народов. М., 1836. 280 с.
8. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. СПб., 1806–1822. Ч. 1–6.
9. Сергеева Н. М. Концепты *ум*, *разум* в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2004. 192 с.
10. Хазимуллина Е. Е. Когнитивный аспект мотивированности языка (на примере отражения знаний об уме в русской картине мира) // Вестник Башкирского ун-та. Уфа, 2009. Т. 14. № 1. С. 476–481.
11. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. 502 с.
12. Wierzbicka A. Semantics, Culture, and Cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations. Oxford, 1992. 487 p.
13. Русский ассоциативный словарь. М., 2010. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php>
14. Головановская М. К. Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка. М., 1997. 297 с.
15. Вагапов А. С. About translator. Псков, 2007. URL: <http://vagalecs.narod.ru/MYCV.HTM>
16. Vagapov A. S. The Woes of Gribojedov. URL: <http://prosoidia.com/gribojedov/alexander-gribojedov>
17. A Life in the Day: Mary Hobson, translator // The Sunday Times. 2003. 30 Nov. URL: http://www.timesonline.co.uk/tol/life_and_style/article1021474.ece
18. Фомичѳев С. А. Проблемы творчества А. С. Грибоедова. Смоленск, 1994. 302 с.
19. Грибоедов А. С. Горь от ума // Полн. собр. соч.: в 3 т. / подгот. текста и коммент. А. Л. Гришунина; науч. ред. С. А. Фомичѳев. СПб., 1995. Т. 1. С. 9–122.
20. Hobson M. Aleksandr Gribojedov's Woe from Wit: A Commentary and Translation. L., 2005. 648 p.
21. Vagapov A. S. Woe from Wit [Electronic data] / Speaking In Tongues Scribbling In Voices. Электрон. журн. М., 1993. URL: <http://spintongues.msk.ru/gribojedov.htm>
22. Ильѳев С. П. «Ум» и «горь» в комедии Грибоедова // Проблемы творчества А. С. Грибоедова. Смоленск, 1994. С. 51.
23. Аблогина Е. В. Концепт *ум* в творчестве А. С. Грибоедова и его англоязычная переводческая рецепция: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2011. 205 с.

Аблогина Е. В., кандидат филологических наук, ассистент.

Национальный исследовательский Томский государственный университет.

Пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050.

E-mail: e.ablogina@gmail.com

Материал поступил в редакцию 10.01.2013.

E. V. Ablogina

TRANSLATIONS OF “GORE OT UMA” INTO ENGLISH: IN SEARCH OF THE RUSSIAN MENTAL CONCEPT’S EQUIVALENT

The article studies national peculiarity of the mental concept “um”, revealed by Alexander Griboyedov, determines its translation entails great difficulties due to extensive semantic potential of the Russian concept exceeding to that of its equivalents in English. Russian and British modern professional translators take various approaches to cope with the practically untranslatable Russian comedy.

Key words: *A. Griboyedov, “Gore ot uma”, concept, “um”, translation.*

National Research Tomsk State University.

Pr. Lenina, 36, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: e.ablogina@gmail.com